

Е.К.Петривняя

*Москва, Государственный институт
русского языка им. А.С.Пушкина*

Античные традиции в басенном творчестве М.Н.Муравьева

Интерес русских писателей к художественному наследию Античности появляется во второй половине XVII века, когда начинается процесс европеизации культуры России, и особенно усиливается в XVIII столетии в эпоху развития литературы барокко и классицизма в России. Античные образы и сюжеты приобретают непреходящую эстетическую ценность вследствие заложенного в них глубокого общезначимого, нравственного содержания, выходящего за рамки породившей их античного мира.

Влияние «бессмертных творений величавой древности» (А.С.Пушкин) отчетливо проявляется в произведениях русского поэта XVIII века Михаила Никитича Муравьева. Многочисленные свидетельства современников о классическом образовании автора, превосходном знании греко-римской мифологии, античной истории и литературы, использовании в художественном творчестве сочинений Гомера, Феокрита, Вергилия, Горация, Петрония — причем не в переводах, а в оригинале. Особенности идейно-эстетической позиции писателя, оформившиеся уже в ранних произведениях, по достоинству были оценены его почитателями. В предисловии к Полному собранию сочинений один из близких друзей семьи поэта, выражая соболезнования жене по поводу преждевременной кончины М.Н.Муравьева, писал: «По примеру предшественника своего, Гомера, но в другое просвещенное время, он располагал всеми сокровищами человеческих знаний: глубокие сведения в древности, в истории, философии, градоправительстве, в природе, в искусствах сияют в божественных стихах его и производят чистейшее наслаждение разума» [Муравьев 1858: 236].

Многосторонне образованная, эрудированная, располагающая богатым языком личность вырисовывается при изучении басенных произведений Муравьева. Первым стихотворным сборником лейб-гвардии Измайловского

полку фурьера Михайла Муравьева стали «Басни в стихах» (СПб., 1773). Осуществляя связь времен, русский поэт овладевает наследием прошлых эпох во имя решения современных художественных задач и закономерно способствует обновлению литературы. Новаторство басенного творчества Муравьева в освоении античных традиций выступает, с одной стороны, как творческая перекомпоновка и достраивание взятого у предшественников: заимствование сюжетов и образов у Эзопа — басни «Лисица и козел», «Нептун, Минерва, Вулкан и Момус» («Суд Момов» — вторая редакция). С другой стороны, как возникновение в литературном процессе новой жанровой модификации — басни-бурлеска, с новеллистическим финалом «Улиссовы спутники», где шутивно-пародийно пересказывается отрывок из поэмы Гомера «Одиссея» о пребывании Одиссея и его спутников на острове волшебницы Цирцеи. В поучении устанавливается связь с современной поэту действительностью, причем, мораль приобретает ярко выраженную национальную, конкретно-историческую трактовку:

Сей басни разум тот:
Пошел в кабак мужик, оттуда лезет скот.

[Русская басня 2007: 440]

Русский поэт создает оригинальный вариант дидактического рассказа, где главными героями являются древнегреческие боги Зевс и Аполлон: «Зевес» (1773) («Зевес и гром» — вторая редакция — 1780), «Изгнание Аполлона» (1790). Словно возвращаясь в эпоху Античности и наследуя принцип синкретизма, Муравьев излагает моральные идеи в аллегорической форме. Однако, если в основе жанра басни построение сюжета по типу «как некто хотел сделать себе лучше, а сделал только хуже», то рассматриваемые произведения изменяют традиционную структуру басенного повествования. В предуведомлении притчи «Зевес и гром» верховный Бог древнегреческого Олимпа решает истребить род человеческий за грехи:

Зевес свой кинул взор на землю:
Развращенья
Явилася она наполненной ему.

[Русская басня 2007: 436]

Композиция основной части включает монолог Зевса и речь повествователя. Поэт живописует титаническую сцену вселенской катастрофы, исполненную трагического пафоса и написанную «высоким» стилем, больше характерную для эпоса, чем для басни. Непреклонный приговор Зевса, произносится в монологической речи:

И мир небытия низринется во тьму
А ты, виновный род, род столько мной любимый,
Предел твой положен, ты в сей погибнешь раз.

[Русская басня 2007: 436]

В авторском повествовании раскрывается эсхатологическая картина бытия, рассказывается, как задуманное Богом начинает последовательно осуществляться: «Приемлет в мощну длань Зевес громовы стрелы», «И мир вострепетал, ждя гибели своей», «Упал несчастный род в разверстие земли». В финале представлена неожиданная развязка событий — « на место гром упал непроходимо, / Род смертных невредим...». А завершает произведение мораль, где с лукавым простодушием автор заверяет читателя:

Известно, что всегда падут удары мимо,
Как вздумает отец наказывать дитя.

[Русская басня 2007: 436]

Получается басня наоборот, где повествовательная часть выполняет функцию морали и рассказывает о наказании за пороки и преступления человека, а пуант принимает на себя функцию основного содержания басни. Образуется своеобразный замкнутый круг событий, по принципу построения докучной сказки. В басенных произведениях Муравьева на первый план выходит смысловая значимость композиции. Внутреннее, эмоционально-смысловое соотнесение событий и персонажей оказывается важнее, чем внешнее соответствие формальных компонентов. Поэт через образы античной мифологии и семейно-бытовую трактовку событий, используя кольцевую композицию, выражает религиозно-философские идеи о бесконечном милосердии христианского Бога-творца. Нормативная структура жанра бас-

ни претерпевает значительные изменения в творчестве русского поэта XVIII века.

Следование античным традициям наблюдается в большинстве басен, где используется «нанизывающий стиль»: действия и предметы не описываются подробно, а перечисляются, создавая сжатый, но насыщенный образ. В баснях «Лисица и Козел», «Кучер и Лошади», «Кошка и Лисица», «Облако», «Волк и Лисица», «Скворец и Ястреб», «Пес», «Мужик, Лисица и Собака», «Раздор в улье», «К Хемницеру», «Соловей и Жаворонок» поступки басенных персонажей сравниваются с аналогичными действиями известных античных мифологических и исторических героев. Продемонстрировать новаторство Муравьева в творческом переосмыслении гомеровских сравнений можно, обратившись к конкретным примерам. Лиса в басне «Волк и Лисица» жалуется Волку, что ей надоело охотиться за курами и обращается к нему с просьбой научить её ловить овец. Волк соглашается, и Лисица надевает на себя волчью кожу. Пастухи, псы и стадо разбежались, испугавшись мнимого Волка. Лишь одна наивная Овца осталась стоять на месте, и Лисица не смогла с ней ничего сделать.

В басню «Волк и Лисица» вкрапляются в духе ироикомических поэм шуточные сравнения:

Не так в оружие Ахиллеса
Патрокл в злосчастной день страшил дарданский полк,
Как стадо наш притворной Волк.

[Русская басня 2007: 430]

Стихотворение содержит параллельный басенный и мифологический ряд образов: Лисица в волчьей шкуре, напавшая на стадо овец — Патрокл, облекшийся в доспехи Ахилла, чтобы утешить троянцев. Лисица достигает своего желания, но не может причинить зло и убить Овцу — Патрокл увлекается победой над троянцами, нарушает запрет Ахилла, достигает стен Трои и гибнет от руки Гектора. В «Илиаде» среди многочисленных гомеровских сравнений Патрокла, ахейских вождей, нападающих на троянцев, сохраняется сюжетный мотив, использованный М.Н. Муравьевым:

Словно свирепые волки на коз нападают иль агнцев,
 Их вырывая из стад, которым неопытный пастырь
 Дал по горам рассеяться; волки, едва их завидят,
 Быстро напав, раздирают бессильных и трепетных тварей, —
 Так на троян нападали ахейцы...

[Гомер 2002: 428]

Эпический поэт правдиво и с чрезвычайной подробностью дает зарисовку из обыденной жизни человека и животных, которая складывается в законченную картину. Своим происхождением сравнения обязаны фольклорному параллелизму, но в гомеровском эпосе они получают особое применение и служат для введения материала, которое не находит места в обычном ходе повествования, например картины природы. Описание природы как фона для рассказа ещё чуждо автору «Илиады». Однако в приведенном отрывке сравнение ахейцев с волками, нападающими на стадо овец, играет важную роль — автор стремится эмоционально воздействовать на слушателей и с чрезвычайной наглядностью рисует картину кровожадной и страшной бойни, чтобы убедительно показать, как во время битвы человек уподобляется животному и вызвать потрясение жестокостью войны.

Сознательно подражая Гомеру, Муравьев творчески перерабатывает сравнения в соответствии с более сложными эстетическими законами. Русский поэт-сентименталист XVIII века обращает внимание на психологическое состояние героев, не раскрытое древним художником, но правильно зафиксированное в его внешнем проявлении. Мир гомеровской эпической поэмы мифологический и одновременно стихийно-реалистический, а в басне — иносказательный, аллегорический. Басенный образ фиксирует уже заданную автором отвлеченную мысль.

В стихотворном предисловии к книге притч Муравьев подчеркивает:

Здесь звери говорят и птицы меж собою,
 Чтоб научить людей, как жить на свете сем.

[Русская басня 2007: 423].

Аллегорический образ, в отличие от «самодостаточного» художественного образа, требует специального комментария, выраженного, как правило,

в морали. Поучение в басне «Волк и Лисица» касается нравственно-этических проблем:

Такие тщитесь желания иметь,
В которых можете успеть;
Но бойтесь суетно к предмету прилепляться,
Которым не судил нам жребий наслаждаться.

[Русская басня 2007: 436]

Тема несоответствия внешности и сущности, мотив надевания «чужой шкуры» с целью занять более высокое положение в обществе, были известны в русской басенной традиции XVIII века — А.П.Сумароков «Осел во львовой коже» (1761) и ответ М.В.Ломоносова «Свинья в лисьей шкуре» (1761). Басни русских поэтов-классицистов и поэта-сентименталиста объединяют обращение к античному идеалу гармонии и меры, общая эмоционально-художественная оценка — осмеяние, общий предмет изображения — человеческие недостатки, где наглядно раскрывается, как ложная переоценка возможностей может привести к разрушению личности.

Муравьев, обращаясь к традициям Античности, пытается запечатлеть диалектику спиралеобразного развития истории, повторяемость описываемых событий и ситуаций и одновременно побуждает читателя к размышлению, сотрудничеству с писателем. Однако, чтобы достичь успеха, любитель басен должен обладать серьезным интеллектуальным потенциалом. Например, мораль басни «Лисица и Козел», в которой хитрая Лиса с помощью Козла выбралась из колодца, а простодушный, наивный рогатый «принужден в колодце оставаться», гласит:

Мы множество всегда узрим Козлов.
Так иногда то Красс в пески Парфянски вкрался
И вечно там остался.

[Русская басня 2007: 425]

Требуется специальный исторический комментарий, что Красс Марк Лициний (около 115—53 гг. до н.э.) — римский полководец, одержавший победу над войском Спартака и убитый в сражении с парфянами в битве при Каррах (Месопотамия). Воспринимая художественно-концептуальные особенности античных сюжетов, мотивов и образов, Муравьев органично соче-

тает заимствованные элементы с новым колоритом, с неуловимо измененным художественным ритмом, с иной трактовкой образов.

Прекрасное знание не только греческого, латинского, но и западноевропейских языков, таких как итальянский, французский, немецкий, помогают русскому писателю интегрировать и художественно интерпретировать творчество плеяды предшественников и современников. Богатым материалом для переводов и творческих переложений во второй половине восемнадцатого столетия становятся басенные произведения немецкого писателя Христиана Фюрхтеготта Геллерта. Русский поэт художественно интерпретирует одно из басенных произведений немецкого баснописца «Die Bienen» («Пчелы»), создавая оригинальную версию «Раздор в улье».

Заимствуя из немецкой басни сюжетную схему, конфликт, образы, композицию, Муравьев, благодаря обращению к античным традициям создает новые художественные и смысловые нюансы. Обратимся к вступлению русской басни, где поэт чистосердечно признается: «Мне сил недостает с Виргилием гласить, / Вещая мастериц Иблейска сладка сота...». Вторая строка представляет собой метафору-перифраз, описательно представляющую образ семьи пчел. Смысл этой метафоры-загадки вытекает из внетекстовых сведений. Культурным контекстом к разгадке становится творчество Вергилия. Над переводами первого произведения римского поэта «Буколики» Муравьев успешно трудился в 1771 году. Влияние античной буколической поэзии было столь велико, что в том же году выходят в свет эклоги собственного сочинения русского поэта. Первая эклога Вергилия представляет собой разговор двух пастухов, старого и благополучного Титира, к которому обращается потерявший родовое владение Мелибей:

Счастье тебе, ты здесь на побережьях будешь знакомых
Между священных ручьев наслаждаться прохладною тенью.

Здесь, на границе твоей, ограда, где беспрестанно,
В ивовый цвет залетя, гиблейские трудятся пчелы.

(пер. С.Шервинского) [Вергилий 1971: 27]

В примечаниях указывается, что выражение «гиблейские пчелы» происходит от названия горы в Сицилии — Гибла, которая была знаменита аро-

матным медом. В басне русского автора античный топонимический эпитет «гиблейские» появляется в видоизмененной форме «мастериц Иблейска сладка сота», сохраняя внутренний смысловой аспект — пчелы, создающие самый знаменитый и сладкий мед.

Вергилий в пастушеских песнях «Буколик» подражал своему греческому предшественнику, поэту «александрийского» направления, сицилийскому уроженцу Феокриту. «Отец буколической поэзии» в идиллии VII «Праздник жатвы» рассказал историю о козопасе, замурованном в сундук злым великаном. Спасли несчастного пчелы:

Пчелы, с лугов возвращаясь и сладостный запах кедровый

Чуя, к нему проникали и соком питали цветочным,

Так как в уста его Музы сладчайший свой нектар излили.

(пер. М.Грабарь-Пассек) [Античная лирика 2001: 477]

Идиллия VIII «Пастухи-певцы Дафнис и Меналк» описывает как «пастырь мохнатых овец» Меналк и «сторож мычащих коров» Дафнис устраивают состязание в пении. Признавая поражение, козопас восклицает:

Дафнис, уста твои сладки, на диво твой голос приятен,

Сладостней пеньем твоим наслаждаться, чем сотовым медом...

[Античная лирика 2001: 484]

В приведенных отрывках Феокрит широко использовал один из распространенных для народной песни приемов — «психологический» параллелизм. Можно выделить параллельные образы из жизни природы и человека: пчелы — Музы, сотовый мед — сладостные песни и выявить их общность. Однако образ Музы приобретает аллегорическое звучание и, в данном случае, обозначает поэтическое творчество, вдохновение. Иногда параллелизм осложняется вводом отрицания, например, в идиллии IX: «Ни луговые цветы не милее для пчел, чем песня для сердца» [Античная лирика 2001: 485]. Главная идея подана в предельно открытом виде: пчелы, собирающие нектар, из которого получается сладкий мед, сравниваются с поэтом, создающим песни, льющиеся из его сердца. Подражая традиции Феокрита, в раннем стихотворении «Видение» Муравьев, использует подобный композиционный прием и подчеркивает единство поэтических образов, представленных в греческой идиллии:

Какъ пчель шумящій рой, погодою прельщенный,
 Собравшись на лужекъ, цвѣтами испещренный,
 Летаетъ, сладкою добычью отягченъ,
 Такъ зрится въ рощахъ сихъ пѣитовъ сонмъ стѣсенъ.

[Муравьев 1847: 4]

«Психологический» параллелизм отчетливо проявляется в сравнениях: «пчел шумящий рой» — «пѣитовъ сонмъ». Индивидуально-творческое отношение к художественному наследию прошлого порождает широкие, философски насыщенные образы-символы. Русский поэт не случайно изменяет заглавие немецкой басни «Пчелы» на «Раздор в улье», где отчетливо обозначается основная тема повествования — раздор из-за первенства среди пчел и его губительные последствия — разрушение гармонии мира, уничтожение всего самого прекрасного и эстетически ценного.

Сравнительно-типологический подход к исследованию басен Муравьева наглядно показывает, что писатель выступает в произведениях не только как художник-творец, создатель своего стиля, но и как выразитель личного жизненного опыта и мировоззрения. Для поэта-сентименталиста Муравьева характерно философское осмысление античных традиций, опора на древнегреческие и римские сюжеты и образы и желание выразить своеобразие современности в свете нетленных человеческих ценностей. Художественное воплощение наследия классической древности представлено в басенном творчестве русского поэта на идейно-тематическом, жанровом, сюжетном, мотивном, образном и стилистическом уровнях. Мир Античности, преломленный через индивидуальное авторское восприятие, создает оригинальный сплав национального и инонационального в басенном творчестве Муравьева.

Литература

- Античная лирика. Греческие поэты. М., 2001.
 Вергилий Публий Марон. Буколики; Георгики; Энеида. М., 1971.
 Гомер. Илиада. М., 2002.
 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2003.
 Муравьев М.Н. Полное собрание сочинений. СПб., 1856.
 Муравьев М.Н. Сочинения. СПб., 1847.
 Муравьев М.Н. Стихотворения. Л., 1967.
 Русская басня XVIII и XIX веков. СПб., 2007.
 Gellert C.F. Sämmtliche Fabeln und Erzählungen. Leipzig, 1823.

*Фрагменты избранных басен**«Кошка и Лисица» (1773)*

...Подобно как Улисс с Аяксом в споре был,
 Подобно Кошка так имела спор с Лисою,
 Но, кошка, ты в сей день вознесена судьбою,
 И ваше счастье измерил уж Зевес:

Во преисподнюю лисицино упало,
 И мышеловкино возшло на верх небес.

... Спасаться из беды – бери один совет.

И, к многим ты не прибегая,
 Но постоянен лишь в едином пребывая,
 Мужайся, не страшись, бреги его ты след.

[Русская басня 2007: 427-428].

«Облако» (1773)

...Туман мой с ветром сговорился
 И скоро на небе явился,
 Свою пренебрегнувши мать.
 Таков Икар, презрев Дедала,
 Где днёвная звезда блистала,
 Туда направил свой полёт.
 Но как же облако ошиблось!
 Оно упало вниз, расшиблось
 И дало всем, что есть, совет:
 Себе раненько не вверяться
 И за высоким не гоняться

[Муравьев 1967: 61]

К.С. Антонова

Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

У истоков писательского мифа: М.Н.Муравьев о А.Д.Кантемире

«Каждая эпоха обладает своими представлениями о герое времени – в плане идеальном и реальном; это представление есть представление эпохи о самой себе» [Ельшевская 1984: 106]. Эпоха Просвещения стала временем подъема общественного самосознания, философской мысли, расцвета искус-